

АНАТОЛИЙ МЕДВЕДЕВ

ЖИЗНЬ МАГА:

ВЫБОР

Анатолий Медведев

Жизнь мага: Выбор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20976296

ISBN 9785448313677

Аннотация

Простой парень Гол Одан, чувствуя, что в нем сокрыты колдовские силы, выбирает жизнь авантюриста и наемника, но за свой выбор нужно заплатить немалую цену.

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Глава 1. Детство и Магия	10
Глава 2. Кальгон	40
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Жизнь мага: Выбор

Анатолий Медведев

© Анатолий Медведев, 2016

ISBN 978-5-4483-1367-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Эта книга была написана мной давно, и более семи лет пылилась на различных флэшках и жестких дисках, и до этого издания число ее читателей не превышало десяти. Но перечитав ее я обнаружил что мысли, которые я изложил здесь до сих пор тревожат меня. Слегка подправив стилистику, но оставив мои юношеские эмоции, я решил эту книгу издать в интернете. Быть может, первая книга небольшой трилогии о судьбе одного могущественного колдуна Вам понравится, и Вы решите прочесть продолжение. Если возникнут вопросы в процессе чтения, я всегда могу ответить на них в контакте.

<https://new.vk.com/choobakka>

Пролог

Каждый человек сам вершит свою судьбу. Каждый делает ее такой, какой она для него предначертана. Люди делают выбор, надеясь свернуть с тропы. Люди хотят свободы, но над ними довлеет слишком многое, что бы их путь зависел лишь от них самих. Есть такие, кто мечтает о путешествиях, но всю жизнь сидит дома на печи. Есть и другие, те, кто не хочет напастей разного рода, но все время впутывается в них. Именно им выпадает один шанс из тысячи стать великими, изменить этот мир. Они, сами того не ведая, являются лишь орудием в руках Основателя.

От многих происшествий остается лишь пепел, от многих событий лишь пустые слова. Кто-то верит, в то, что история запомнит его, кто-то не задумывается над этим. Но воины Храма неба кропотливо собирают письменные источники, что попадают к ним в руки, и если считают их интересными для истории, кладут под стекло, и каждый, кому эта история важна, может подойти и прочитать то, что было написано людьми, изменившими мир.

Арна!

Дорогая моя девочка, пишу тебе из нашей благословенной и проклятой Драгориш, где сейчас пасмурно и дождливо. Я знаю, тебе тяжело принять этот переезд на неприветливые Лассонесские земли, но прошу, нет, даже умоляю, пойми

меня правильно. Не подумай, будто я решила, что ты слаба духом и телом, но там, под крылом своего отца ты будешь в безопасности, по крайней мере, до поры до времени. У меня нехорошие предчувствия, связанные со всем тем мероприятием, что здесь происходит, но отступить нельзя. Ты читаешь эти строки в тот момент, когда мы уже по колено в грязи бьемся с проклятием нашей славной страны. Ты тот единственный лучик надежды, который светит мне даже с той стороны моря. Жди от меня новостей, и не отвечай на письма, если я сама того не попрошу. Будь хорошей девочкой и слушай отца, не забывай тренироваться в управлении мечом.

Твоя любящая тетя.

Милый друг, Оренгар!

Наше войско готово выступить, сейчас я собираю последние остатки зелий и свитков и оставляю свое любимое прибежище в Гарне, где я прожил всю свою жизнь. Ты, Оренгар, тот воин, что свернет горы, я не сомневаюсь в этом.

Уверен, знаешь, как я люблю марасть бумагу длинными письмами к тебе, но сейчас у меня совершенно нет на это времени. Встретимся в Торегане.

Твой верный друг К.

Дорогой Агетер!

Я думаю, ты понимаешь, что в сложившейся ситуации я вынуждена просить помощи. Не ради себя. У меня больше не осталось союзников, не осталось друзей, только ты. Я

знаю, мы никогда не ладили, но такой уж у меня склочный характер. Мне нужно не многое, всего лишь два-три судна, ведь и от воинства моего ничего толком не осталось. Молю Толона, чтобы гонец не погиб в пути, и ты прочел эти строки. Я разбита, от меня ничего более не осталось, только надежда спасти верных мне людей.

Калгрениэр Эстеррионар

Да здравствует король!

Здравствуйте, дорогой друг. Вот уже прошел целый год, с тех пор, как мы с вами пишем друг другу письма. Вы спрашивали у меня, как здесь погода? Что сказать, штормит, но мы всегда снимаем шляпу перед этой напастью, и она отступает. Думаю, вскоре над нашими островами вновь засияет Обод, тучи разойдутся, а холодные месяцы останутся позади. Вы спрашивали, как мое здоровье? Что я могу ответить – и я, и моя жена, мы живем во здравии и благополучии, и грешно было бы здесь болеть, в таком благоприятном климате. Вы спрашивали, не беспокоит ли мою колдовскую душу какие-нибудь неприятности? Хочу вам на это ответить – мое проклятие это моя память. Дело в том, что я помню все то, что со мной происходило – от испуганных лиц до спокойных пейзажей. Нет в Неллионе средства, чтобы успокоить меня, ибо если я забываю о чем-то днем, то во снах все возвращается. Иногда я просыпаюсь в холодном поту, но твердость и закалка не дают мне впасть в уныние. Вы просили меня приехать, и я с удовольствием приму

это приглашение, ведь я уже так давно не посещал родную землю. Так что на это письмо не отвечайте, в след за ним приеду и я, а также надеюсь привести свою семью. К несчастью наш справедливый монарх Гардор стал совсем стар для дальних переездов, да и королева вряд ли покинет свою страну. Я и сам-то давно уже не тот, каким был во времена своей юности, но это путешествие совершить обязан.

Эсториоф, ваш верный Сверкающий Меч.

Глава 1. Детство и Магия

Меня зовут Гол Одан, и я записал эту историю сразу по прибытии в Кальгон в 842 году четвертой эпохи. История моей жизни такова, что если не описать ее с самого начала, то и конец не будет ясен.

Я родился в 761 году ночью восемнадцатого числа месяца Войн, в семье нищих, вдалеке от столицы, в маленькой деревушке Шалр. Что говорить, возможностей стать колдуном у меня было немного. Наша деревня стояла у самого озера Свенны, за которым начинались Хессетские горы. Свенна, – богиня любви и плодородия, и, конечно, на озере стоял волшебный алтарь, поэтому через Шалр все время проходили пилигримы и воины, чтобы получить благословление богини. И тот, кто преодолел ее испытание, имел право сорвать белый цветок из ее венка, и вечно носить его у себя в волосах или на головном уборе. Конечно, поклониться богине шли не только Лассонесцы, но также и другие приверженцы нашей религии – богатые жители Инголдии, и смуглые светлоглазые Драгорийцы.

Их жизнь влекла меня, как запах свежего хлеба манит уставшего после трудного дня пахаря. Эти воины и авантюристы, что сражались с монстрами и злым колдовством, служили высоким лордам и королям, преследуя лишь свои цели, охотились за артефактами прежних эпох, совершали палом-

ничества к самым далеким святыням мира, после чего исчезали на годы, но только для того, чтобы вернуться и вновь засиять на небосклоне славы. Эти герои, чьи подвиги вершили историю, были для меня красивой гравюрой, где вместо них я видел себя.

Нет, безусловно, многие приходили просто поклониться Свенне, помолиться в доме, в котором она жила перед уходом в чертоги Основателя, испить целебной воды родника, что впадал в каменную чашу огромного озера. Но герои, короли, принцы, дорины – шли за белым цветком.

Именно поэтому я столкнулся с магией очень рано, раньше, чем начал ходить и говорить, раньше, чем начал думать. Я родился, чтобы дышать ею.

Я навсегда запомнил то пасмурное утро, когда к нам пришел Каэдор. Мой отец знал его, но я, а мне тогда было всего лишь девять лет, не решился спросить откуда. Про себя я решил, что когда мой отец был солдатом, тогда они и познакомились, ведь Каэдор был магом, и ранее служил в полку Агара Росена, что было крайне почетно. Но в последнее время занимался своими делами.

Каэдор был высок и статен, его лицо частично скрывала густая темная борода, он носил потрепанные кожаные доспехи, легкие, походные. Он не был стар, но было ясно, что дни его покоя не за горами. На его широкополой шляпе уже красовалась лилия Свенны, и я вообще не понимал, зачем он пришел к нам в деревню, ведь сюда приходили в основном

за благословлением богини. Побеседовав с моим отцом обо всем понемногу, он не принял приглашения остаться ночевать у нас.

Больше всего в этом странном человеке удивляла походка. Несмотря на телосложение и рост он ходил, словно не наступая на землю, бесшумно. До его прихода я уже видел нескольких чародеев, и чувствовал, как все мое естество трепещет, вдыхая магические потоки. Тогда, в этот дождливый вечер, когда Каэдор накидывал на плечи свой плащ, отправляясь на постоянный двор, я увидел. Позже я понял, что это был первый раз взгляда за грань магии, за грань возможного, можно сказать я это понял уже через несколько лет... а сейчас узрел голубоватые светящиеся цепи, сковывающие мощную грудь мага, не давая ему дышать.

Каждый раз, когда я видел на улице этого странного человека, я сразу чувствовал острый запах, исходящий от волшебства, что держало его сердце в тисках. Несколько дней подряд я вновь пытался увидеть колдовские оковы, но у меня не получалось, словно это наваждение мне приснилось. Но в восьмой день месяца отчаяния, когда принято у всех просить прощения, Каэдор вновь посетил моего отца.

– Послушай, Гэр. Я человек прямой и сразу скажу – это моя вина во всем, что произошло на острове Барзнет. Можно было договориться, а не кидать ребят в бойню. Знаешь, я разыскал многих, кто был там, вот и тебя нашел. Я хочу принести извинения. Прости меня за то, что по моей вине

мы не смогли... мы проиграли. Прости, я очень прошу тебя, – в это мгновение словно вспышка пронеслись по комнате злые чары, и я вновь увидел то, как едва теплится жизнь в сердце, как трещат ребра под напором излучающих свет цепей.

– Я простил всех, кто там был. Простил трусость и малодушие, из-за которого мы потерпели поражение, простил много лет назад.

Цепи ослабли, и Каэдор, наконец, смог вдохнуть.

– Куда ты теперь пойдешь, если ушел со службы? – спросил отец.

– В Инголдию. Есть у меня там некоторый интерес. – Каэдор улыбнулся и подкинул верх золотую монету.

В тот вечер я решил убежать из дома, и последовать за этим магом. Мне это казалось настолько правильным и интересным, что про отца с матерью, единственным ребенком которых являлся, даже не подумал. Собрав в узелок свои небогатые вещи, я сразу вылез через окно и направился по Белому торговому пути, через лес Шал-ре, к своей мечте.

Дорога начиналась к западу от нашей деревушки и уходила на север, где зловеще чернела опушка. Солнечные лучи не пробивались сквозь густые ветки елей, и из-за этого Белый торговый путь, названный так в честь белых мехов, которые привозили с севера острова, из Турентула, казался особенно опасным. Мне довольно долго удавалось идти незамеченным, поскольку по дороге то и дело сновали су-

етливые торговцы, ездили повозки, и я мог спокойно затеряться в толпе. Но когда мы въехали под тень многовековых деревьев, и люди остались там, в деревне, бесшумно шедший Каэдор сразу приметил меня. Я попытался спрятаться, но колдуну ничего не стоило догнать и найти неопытного преследователя. Сначала он, похоже, подумал, что за ним следят, потому бесцеремонно приставил клинок к моему горлу, но, узнав меня, понял, в чем здесь дело, и, казалось, рассердился еще больше.

– И тебе не стыдно, грязное отродье, бросать отца и мать? Разве для этого они потратили девять лет своей жизни, вскармливая и обучая тебя? Ты прекрасно знаешь, что они не богаты, и тебе в будущем надо будет помогать им, а ты решил убежать! Если в тебе осталась хоть капля совести – возвращайся!

Я хотел сопротивляться, сказать ему о том, что я в нем увидел, но не смог. Его глаза впились в мои. И я не смог не подчиниться. Через полчаса обратного пути я очнулся от дурмана, наведенного на меня волшебником, и понял, что это была его магия. Для того чтобы оправдать свой побег, спрятал свои пожитки под рубашку, и принялся собирать грибы и ягоды, и принес домой столько, сколько уместилось в руках.

Когда я вернулся, мне пришлось долго и красочно рассказывать о том, что с утра все самое вкусное соберут, поэтому я и пошел вечером. Отец недоверчиво посмотрел на меня,

но не стал при матери ничего говорить.

Но утром, стоило мне встать, он принялся ругать меня за все, что попадалось под руку. Кровать – не застелена, руки – не вымыты, волосы – не причесаны. С этого дня отец принялся меня учить всему, что умел делать сам. Он был отставным офицером, получившим ранение и отстраненным от службы, и вернулся в деревню, где и женился на моей матери. В ближайшие дни он рассказал мне о нескольких сражениях, в которых он принимал участие, о том, как был ранен. Я слушал, разинув рот, но твердо решил, что солдатом становиться не хочу, поскольку пример моего отца ясно показывал – если окажешься в гуще сражения – позволит Толон выжить, хорошо, а не позволит, значит и не суждено, а если ты офицер, так тебе еще впереди идти.

Ежедневно отец уделял время на обучения меня фехтованию. И так день за днем, месяц за месяцем я учился и рос, становился больше и сильнее, и на мое десятилетие папа подарил мне мое первое холодное оружие – кинжал, который передавался в семье Одан из поколения в поколение.

Хоть и раньше на лень у меня не оставалось времени, теперь я работал над собой особенно много. Больше всего я учился бить кинжалом, и блокировать им, и метать, и приводить его в порядок, как он затупится.

Когда мне было тринадцать, я уже сносно двигался с мечом, и даже мой отец с трудом мог достать меня. Я тихо гордился собой, никогда не показывая эту гордость никому – ни

родителям, ни сверстникам. Отец так же научил меня читать и писать, и я, подрабатывая где и как мог, иногда покупал у торговцев Аброта дешевые старые книги. В основном это были простенькие романы, где храбрые принцы побеждали на редкость глупых злодеев.

Изредка, среди массы книг, которые в последнее время печатались в большом количестве, попадались и религиозные тома. Там были и «рассуждения трех Пророков», и «Неллиар в картинках», а так же множество философских рассуждений на тему тех событий, что происходили в Эпоху Основателей. Ни для кого не секрет, что в те времена, в течение тысячи трехсот пятнадцати лет в Неллион пришли семь посланников Атталого. Толон Воитель, Миста Гордый, Ихару Добрый, Волрон Творец, Нитог Раскаявшийся, Свена Прекрасная и Агаш Сын Атталого. После того, как последний упрятал свою душу в камень-алтарь, эпоха основателей закончилась, и была написана книга, что в народе зовется «Писание Семи Великих». Но в Эпоху Войн в Неллионе родилось двое колдунов. Первым появился Гордрог Светоч, а после него Шотер Проклятый, и про их деяния так же написана книга, которая названа «Писание Девяти», хоть в ней описаны жизни лишь последних, сумевших заключить себя в камни. «Неллиар», а так же оба священных писания я знал хорошо, к своему стыду не имел возможности прочитать книгу пророков, а все остальные рассуждения на религиозные темы меня не сильно интересовали. Но, по-

сколько дешевые романы мало тревожили мой пытливый ум, я раз за разом перечитывал внушительные фолианты из эпохи Основателей.

Как раз в это время я не только почуял магию, но и попробовал ее на вкус. Каждый год среди тринадцатилетних мальчишек проводились турниры, в которых король выделял лучших себе на обучение в гвардию. Но это происходило только после того, как будущему гвардейцу исполнялось пятнадцать, то есть спустя два года. Отец постоянно мне напоминал об этом событии, считая его основополагающим в моей жизни – у него самого когда-то не получилось поступить в школу гвардии, и он был уверен, что я буду удачливее. Мне приходилось много работать над собой, но, несмотря на успехи, я совершенно не хотел становиться гвардейцем. Единственное, что меня заставляло принимать участие в турнире это воля отца, которой я не мог противиться.

В назначенный день я проснулся разбитым, словно после болезни. В окно моей маленькой комнаты, как всегда едва-едва пробивался рассвет, и каждый раз я просыпался с его первыми лучами, именно так случилось и в день турнира. Я поднялся с постели быстро, но что-то заставило меня лечь снова. Понимание, что папочка не будет доволен этим, не пугало меня, настолько не хотелось принимать участие в этом турнире, что я готов был даже притвориться больным. Отцу пришлось едва ли не силой ставить меня на ноги.

Мягкая прохлада, убаюкивающая сознание, легкий вете-

рок, приятно обдувающий щеки, мелкая морось. На дорогах лежала грязь, вязкая, липкая, упасть в которую никто не хотел. Серое небо неторопливо двигалось на запад, вслед за ветром. Характерно для месяца печали, и как можно было додуматься проводить турниры в это злосчастное время?

Около леса, куда тусклого света проникало особенно мало, деревья нависали злобещей громадой, но вся эта слякоть, чернота деревьев в утренних сумерках, не могли помешать атмосфере праздника, всюду висели цветные флаги, гирлянды. Люди бегали из стороны в сторону, кто-то носил тупые тренировочные мечи, кто-то облачался в доспехи. Было несколько человек на ходулях, в нелепых цветастых балахонах и даже один жонглер огненными факелами.

В ожидании поединка я отошел в сторону и уныло ковырял металлической палкой, что именовалась тренировочным мечом в большой луже, разгоняя по воде забавные волны. Отцу это очень не понравилось, он дал мне крепкую затрепщину.

– Прояви уважение к противникам, и вытри свое оружие.

С тех пор я решил, что мой меч вечно будет идеально чист, и, сняв с клинка вязкую жижу, я отправился в гущу праздника.

К первой схватке я решил подойти ответственно, я не имел права проиграть первый, хоть что-то значащее для меня сражение. Поэтому не пошел в неистовую атаку, а спокойно изучил все движения оппонента. Поняв, что он лупит

наотмашь, я прекратил ставить блоки, и резко ушел в сторону, от чего противник чуть не упал, и открыл спину, куда я нанес два четких удара, обозначив первую победу.

За весь турнир я потерпел всего три поражения, и первой из них от Тада Мигна из предместий Аброта. Парень, безусловно, заслуживал внимания своей техникой – двигаясь медленно, словно бы неуклюже, он наносил быстрые и точные удары. Обладая невероятным ростом и длинными руками, он мог не подпускать меня к себе. Какое-то время я успевал реагировать на его выпады, но вскоре он достал меня один раз, а затем и второй, но чтобы не остаться в долгу я сразу, как пропустил второй удар, также провел атаку, от которой Тад не смог защититься. Это поражение просто взбесило моего отца, и, надо сказать, я был готов к подобной реакции с его стороны. При всех моих тренировках, я не был хорошим бойцом, даже не смотря на то, что отец – бывший офицер и сам превосходно фехтовал. Следующим моим противником был Эрес Хармотен, очень сильный и быстрый боец, и у меня совершенно не было желания тратить силы, что вырвать у него победу любым возможным способом. Лицензии, позволяющей мне поступать в королевскую школу гвардии, мне уже было не избежать, поскольку я в любом случае, сколько бы боев далее не проиграл, занимал третье место в турнире, и получал эту проклятую бумажку. Но в бою с Эресом случилось непредвиденное.

Мы вышли на поле боя, уже не намереваясь выигрывать

во чтобы то не стало, и поначалу двигались медленно, нехотя нанося удары. Но тут у меня в голове проснулась мысль – это как-то неправильно – у Эреса и так была лицензия для поступления в эту школу, поскольку его отец был пятым доринном короля. И поэтому мне ужасно хотелось доказать, что он не сможет одолеть всех на этом турнире. Я стал действовать все быстрее и быстрее, отсекая Эресу пространство отхода. Мой противник, словно принимая вызов, ловко перепрыгнул лужу, что находилась сбоку от него, и рискованно атаковал справа. Я сразу воспользовался этим и, сбив его клинок своим, первым провел удар. Теперь нужно было не пропустить. Но Эрес разозлился не на шутку, с его лица сошла глупая ухмылка, и он принялся за меня всерьез. Его фехтование вызывало у меня восхищение, и, заглядевшись на очередной финт, я забыл поставить блок, и пропустил тяжелейший удар в плечо, так что моя рука с клинком безвольно опустилась.

Теперь преимущество было полностью на стороне моего противника – я уже не мог делать столь быстрые выпады, и в большинстве случаев предпочитал уходить от его ударов, а не ставить блоки. После очередного выпада, который не нашел ни клинка ни тела, Эрес, вложивший всю свою силу в удар, оступися и упал в грязь. Я, как учил меня отец, сразу подал ему руку, что бы он поднялся, и было приятно видеть благодарность в его почти прозрачных глазах. Он не стал приводить себя в порядок, а сразу, отойдя на некоторое расстояние, призвал меня продолжать бой. Мы дрались

очень долго – дольше, чем кто-либо на этом турнире, и когда мои силы были на исходе, меня вновь выкинуло в иной мир.

Все потеряло цвет, поблекло, лишь ярким огнем горел Эрес. Я видел, как часто бьется его сердце, как он устал, как тяжело дышит. Я усмотрел даже раздражение и ярость, ощутил весь букет эмоций, принадлежавший ему. И тогда мне удалось осознать каждое движение, каждый шаг и поворот, каждый выпад и блок, весь набор движений, среди которых встречались и лишние, неотточенные, что естественно для нашего возраста. Я вышел из за грани уже зная, что станет делать мой противник. Поэтому я без труда поставил блок от обманного удара и впился взглядом в его глаза. Мне казалось, что это длится вечно, но на самом деле мы стояли так не больше мгновения, до того момента, как Эрес тряпичной куклой рухнул на землю в грязь. Я вновь хотел протянуть ему руку, но в круг зашел главный судья турнира – отец Эреса и объявил о моей победе, после чего помог подняться своему сыну.

В итоге я занял третье место в турнире, и отец настоял на том, что бы я, спустя два года, когда мне исполнится пятнадцать, отправился на обучения в школу гвардии короля.

Но за это время произошли еще некоторые события, которые я хотел бы описать.

Когда мне было уже четырнадцать мы с мальчишками из нашей деревни, с которыми я почти перестал общаться, в силу большой занятости науками и фехтованием, в один

из свободных дней направились в соседнюю деревню Ошх, затем, чтобы отлично провести время за игрой в прятки или с мячом. Поскольку у нас была большая компания, мы решили идти пешком, тем более что было раннее утро, и мы никуда особо не торопились, а сплавляться по реке вдесятером было хлопотно.

Кратчайший путь, это по лесным тропинкам рядом с рекой, откуда рукой подать до большого поля, а от него прямая дорога к развилке, через небольшой мост. Ошх там найти не сложно он располагается сразу у расхождения быстротечной Блеклы на два рукава. Мы шли, распевая какие-то веселые и не слишком умные песенки, нас это забавляло. Но вдруг тишину утра пререзал дикий крик. Я остановился, и мои товарищи тоже. Я почувствовал запах магии, и теперь не мог остановиться. Это было сладко и приятно, словно Инголдийская нуга, которую я пробовал лишь раз в жизни. Колдовство источало аромат, способный свести с ума.

– Гол, куда ты?

– Там кричат, нужно помочь! – не думая, соврал я.

О какой помощи может идти речь, когда вдыхаешь такие благоухания, разве может что-то сравниться с запахом темной магии?

Там, откуда кричали, виднелся холм. Всем известно, что такие возвышенности это древние курганы, где захоронены старые короли. И всех детей с детства пугают этими гробницами, рассказывают сказки про приведений и призраков, хо-

дыхающих скелетов и кровососущих тварей, а также о том, что они делают с зашедшими в курган. Все это выветрилось у меня из головы, мне казалось, что я шел на встречу своей жизни. Подбежав к входу в древнюю гробницу, я разочаровался. Кричала маленькая девочка, которую я, конечно, знал, она была из Шарла, ее звали Генез. Что она делала здесь, я не знал, но это меня не интересовало. Ее ноги были захвачены странными корнями, которые затягивали ее внутрь, и от них исходил то неповторимое благоухание. Я упал на колени и стал вдыхать его. Она смотрела на меня как на ненормального, и даже перестала кричать, видимо от удивления, что я не тороплюсь ее спасти.

Момент, когда запах опротивел, оказался для меня неожиданным, мир сделал перед моими глазами кувырок, и я не устоял на ногах, зажмурился, а когда открыл глаза, то вновь ощутил себя за гранью. В силу того, что предел разума не является ни физическим, ни даже метафизическим местом, он не имеет четких красок и границ, и каждый раз меняется в угоду колдуну. Нет, я не шагнул за черту возможного, лишь заглянул туда. И это пробудило во мне дремучую силу, заставившую меня достать кинжал, который каким-то непостижимым образом оказался у меня за поясом, и рубить корни. Магия ушла из них, и они отпустили переломанные ноги. Я аккуратно взял Генез на руки, и понес в деревню. Я знал, что мальчишки играют сейчас в Ошхе, и им наплевать на то, что я пошел кого-то спасать, и даже на то,

получилось у меня или нет.

Дорога была не очень долгой, но, учитывая, что я до того момента не таскал на себе тяжести, мне казалось, что я никогда не дойду до деревни. Мы несколько раз останавливались, и на одной из таких стоянок я спросил ее о том, как она оказалась в такой странной ситуации. В тот момент все мои чувства были обострены до предела, и мне казалось, что я с легкостью отличу правду ото лжи. Позже мне разъяснили, что это иллюзия.

– Я шла в Ошх, и последнее, что я помню это дорогу через поле. А потом я очнулась, когда мне в ноги вцепились эти корни, – она готова была зарыдать, но держалась. Я не знал, насколько это больно – переломанные ноги, поэтому тогда просто считал, что терпеть подобные муки не трудно. Но идти она совершенно не могла, поэтому продолжил нести ее на руках. Так, не особо торопясь, мы дошли до деревни к полудню. Я принес ее к дому ее родителей, но они оба работали в поле. Тогда я отнес ее к себе домой, где была моя мать. Отец, скорее всего, был на вырубке, не смотря на то, что сегодня был выходной.

Генез поправилась не скоро, но ее кости благодаря стараниям знахарей из нашей деревенской церкви срослись правильно, и окончательно поправившись, она ходила не хромая.

И последний в моем детстве, пятый случай взгляда магии в лицо произошел со мной прямо перед пятнадцатым днем

рождения.

Тогда мне довелось идти по дальнему лесу, где водились хищные звери. Отец научил меня охотиться, и я старался помочь своей семье добычей шкур. Вначале было очень неприятно, но позже я привык. В конце концов, я делал это для того, что бы выжить, а не ради удовольствия.

Лес дышал ровно, уверенно, ветер мерно двигал кронами больших лиственных деревьев, лениво скрипели хвойные сосны и ели. Тропинок здесь было немного, а те, которыми пользовался я, приходилось долго искать. Если идти здесь тихо, не торопясь, то можно почувствовать себя частью этой большой жизни.

Вы знаете, как пахнут благовония, распыляемые богатыми господами в своих домах? У меня не было сомнений в том, что для колдуна так пахнет темная магия. На этот раз это показалось мне приторно сладким, отбивающим все остальные ощущения. Я чувствовал, как внутри меня встает неведомая сила, и сопротивляется влечению этой магии, и я мог контролировать свой шаг, спокойно пробираться к источнику. В его поисках я зашел так далеко, что вышел на северную опушку, где никогда ранее не бывал. Передо мной открывались огромные пространства холмов. Позже я узнал, что они называются холмы Миражей. Отовсюду доносились звуки природы, где человек бывает не часто.

Не смотря на то, что местность была открытой, я до сих пор не видел источника столь сладостного аромата. Я раздул

ноздри, пытаясь вдохнуть больше, узнать направление, и понял, что *это* находится не в холмах, а где-то на опушке, и я двинулся по кромке леса на запад. Мне было известно, что если обойти таким образом лес, то выйдешь к другому краю озера Свенны, но там начиналась заболоченная местность, где пройти вообще невозможно. И именно из этих мест всё настойчивее ветер приносил запах магии, от одной мысли о котором мое сердце начинало биться быстрее.

Именно тогда я впервые не просто заглянул за грань, а сделал первый шаг по ту сторону возможного, хотя понял это спустя много лет. Мир преобразился, и теперь, сквозь туман я отчетливо видел безопасную тропу.

Здесь, за пределами обыденного, помимо запаха, магия имела свойство светиться всевозможными цветами, искажать пространство вокруг себя, или просто обозначать свое присутствие, манипулируя сознанием зашедшего в гости колдуна. Перебравшись на очередной остров, я заметил то, что икал. Оно светилось легким зеленоватым светом, а вокруг сияния расплзлось кольцо мрака. Я почувствовал угрозу, слабую, но, на всякий случай достал лук и взял в руки стрелу.

Мне удалось подобраться к источнику, не обнаружив себя. На большой кочке сидело чудовище, большое, косматое, и было занято трапезой. Но магия исходила не от него, а от медальона висевшего у него на шее. Я рискованно шагнул к зверю, ступив на тот неустойчивый островок, где оно,

с жуткими звуками раздирало свою добычу.

– Что тебе здесь надо? Убирайся, пока я тебе не разорвал, прочь!

От удивления, что чудище, пусть и несколько коряво, но все же уверенно говорит на принятом во всем мире языке, я опустил лук, и встал как вкопанный.

– Страшно, правда? – чудовище слегка хрипело, и из-за этого его слова казались саркастичными.

– Я так не думаю, – ответил я.

Он был похож на большую собаку, вот только морда чем-то отдаленно напоминало человеческую. Хотя, стоит признать, что саблевидные клыки вызывали опасение, а огромные когти, не сомневаюсь, были острее любого клинка.

– Ты врешь!

Я почувствовал, как кольцо мрака сужается, вытесняя меня. Я попытался посмотреть на то, что осталось от добычи, и не без труда различил в кровавом месиве человека. Я вдохнул, невольно попятился, и едва не шагнул в болото, опомнившись я поставил ногу на место и посмотрел на оскаленную морду.

– Аккуратнее, там трясина такая, что одну лапу поставишь – про вторую забудешь, – чудище странно ухмыльнулось, но слова прозвучали искренне, будто оно действительно не желало мне смерти, а все угрозы были попыткой испугать, заставить уйти. Но если оно питалось людьми, почему же не напало на меня, неужели оно обьелось первым по-

павшимся к нему в лапы?

– Спасибо – сказал я, и предусмотрительно отошел от края, – в чем дело? Хочешь драки? – я подбадривал себя словами, и все ту же натягивал тетиву.

– Если не боишься, то может, выслушаешь меня, мальчик? Ведь на самом деле тебе ничего не стоит меня убить, и я боюсь тебя, не меньше чем ты меня. Я – жертва древнего проклятья, которое заключено в медальоне. Если ты не побоишься подойти и снять с меня эту побрякушку, то я снова приобрету человеческий облик. Ну как, идет? – на его лице появился оскал, от которого многие бы, без сомнений, окончательно решили, что монстр злой, опасный, и заслуживает смерти.

Не знаю почему, но я решил поверить ему. Может это все из-за долгого присутствия за гранью, или по какой-то другой причине, но мне показалось, что если я не поверю ему, или хотя бы не попробую поверить, то многое потеряю. Безоружный, я подошел к нему в плотную, уже чувствуя горячее, смрадное дыхание зверя, протянул руки и нащупал цепочку.

Медленно, опасливо я протянул руку, и, стоило мне прикоснуться к волшебным звеньям, как вокруг поднялись столпы зеленого пламени, кольцо тьмы сузилось, а потом рваными кусками разлетелось прочь, отбросив меня, словно перышко. Тьма рассеялась, и прогнала меня из-за грани, давая осознать, что я по шею в трясине, и не знаю, как вы-

браться. Вода предательски подбиралась к подбородку, когда я заметил длинную палку. На берег меня вытянул грязный, хмурый, щуплый мужчина в лохмотьях, но лицо, несмотря на гримасу боли и усталости, было не злым.

Это было до ужаса неприятно – тащить недоеденный труп через опасные болота. В основном этим делом занимался мой спутник, мне же досталось нести лишь оторванную руку, и я почти не испачкался. Я и не заметил, как мы миновали топкие места, и ступили на опушку леса Мегор, где загадочный человек, не произнесший до этого времени ни слова, по собачьи вырыл яму, и уложил останки туда, а затем, все так же нелепо, оборвал ветку с дерева и согнул ее в знак Толона.

– Проклятье, – тяжело выдохнул парень, – я убил человека.

– Зачем? Основатель не прощает подобное.

– Я хотел есть. В том обличие... в чудовищном... мне хотелось есть именно людей. Пойми, надо мной властвовала вот эта безделушка, уж не знал...

Мы какое-то время сидели, глядя на могилу, а затем прочитали короткую молитву, невпопад, сбивчиво, вознося прошения семи об упокоении отошедшей к Атталогу души.

– Сейчас мне нечем платить, разве что могу отдать тебе этот проклятый медальон. Но позже, когда мы встретимся я верну этот долг.

Его предложение казалось мне чем-то неосязаемым и от-

казываться я не видел смысла. В тот момент он сам скорее нуждался в помощи.

– Возьми мой лук и одежду. Я знаю, она мокрая и грязная, но все же. Мне тут до дома недалеко, а тебе предстоит еще долгий путь в Инголдию. Не могу помочь тебе советом – поскольку сам дальше от дома, чем сейчас никогда не заходил, – я сделал паузу, но, заметив, что он отрицательно качает головой, сказал, – не вздумай отказываться. Я не пропадаю. Через пару месяцев я отправляюсь на обучение в королевскую школу гвардии.

– Тогда приезжай в Инголдию спустя три года, и забирай свой долг. Найдешь человека по имени Денс Декон, и покажешь ему проклятую вещицу. Как твое имя?

– Гол Одан.

Отдав ему одежду, сам, повязав его лохмотья на пояс, отправился домой. Так мы с ним разошлись, и я был уверен, что поступил правильно. Я и сам когда говорил, что до дома идти не далеко, так думал, но даже обод светила уже скрылся за горизонтом, и начинало темнеть, а что бы обойти болота, пришлось сильно заходить на север. Поэтому до дома я добрался уже к утру, чем вызвал крайнее недовольство своих родителей. Они оба не спали, а мама была вся в слезах, и думала, что я не вернусь. Мне пришлось соврать, как на меня напали разбойники, и отняли все, что у меня было, однако на обратной дороге я случайно нашел медальон. Я долго на показ благодарил всех богов, за то, что оставил дома кин-

жал. Отец горячо ругал власти за то, что они не могут прекратить эти разбойничьи вылазки, и я с ним соглашался, про себя думая о том, как там складывается путешествие человека, чей проклятый амулет лежал у меня под кроватью.

Два последующих месяца днем я работал посыльным на постоялом дворе, а по вечерам помогал отцу на вырубке леса. Мне нужно было скопить денег на путешествие в Кальгон, и на проживание там, хотя в лицензии и было написано, что во время экзаменов все желающие могут поселиться прямо в школе.

Долгие прощания с родителями, сначала были приятны, но скоро утомили меня, да и друзья не нашли ничего лучше слезливых объятий и пожеланий удачи. Никто из них не понимал, что я не хочу ступать на путь гвардейца, и при первой же возможности сойду с него. Никто не мог себе представить, что сытая и спокойная жизнь не привлекает меня, и лишь сражения и странствия могут успокоить мою душу. Я, понутив голову сел в непрочную телегу к незнакомому торговцу, ехавшему в Дром, и стал рассматривать свои колени. Парни бежали за телегой какое-то время, продолжая улыбаться, желать удачи, и просить поскорее вернуться.

Мы ехали по незнакомым мне местам, объезжая озеро Свенны с юга. Сын торговца, с которым мы ехали рядом, был разговорчив, и, поскольку он много ездил здесь, рассказывал о том, мимо чего мы проезжали.

– Смотри, – спустя какое-то время сказал он, – слева

от нас мигают огоньки. Это духи Пьяных Топей хотят заманить к себе неосторожного путешественника. Эти болота считаются самыми опасным местом на острове, ведь там, помимо жуткой трясины в воздухе витают ядовитые газы, а под водой обитают страшные порождения тьмы, готовые сожрать любого, кто пришел к ним. По другую сторону этого зловещего места, располагается огромный город Аброт, где торгуют янтарем, и печатают книги – сын торговца, которого звали Нерег, почти про каждое место говорил со стороны торговца, про то что там продают, и что производят. – Аброт прекрасный город, куда красивее Кальгона. Там много интересных мастерских, в основном книжных, там огромный речной порт, из которого корабли выходят в Кересово море, и плывут на материк Сааш, где находится Инголдия. Там, правда, мне так и не довелось побывать, но сладости и деревянные украшения, которые привозят оттуда, бесподобны.

– Дорога пошла вверх, – заметил я.

– Конечно. Это начинается плоскогорье Такик, здесь когда-то жили очень интересные люди. Но Лассонесцы загнали их в Хессетские горы, и вряд ли этот народец сумел там приспособиться. Когда мы поднимемся, ты увидишь свою деревушку как на ладони.

Дорога превратилась в горный серпантин, и две лошадки, что тянули повозку с самыми разнообразными товарами и тремя людьми, с трудом преодолевали этот подъем.

– Смотри, – гордо сказал Нерег, – мы сейчас на самом юге

озера Свенны.

Я увидел огромный священный водоем с высоты птичьего полета, увидел вытекающую из озера быстротечную Блеклу, такой родной и такой далекий лес Шал-ре, в котором наверняка мой отец сейчас работает топором, а на кромке леса стояли маленькие домики.

На мгновение мне почудилось, что моя мать до сих пор смотрит мне в след и машет платком. Увидит ли она своего сына? Нет, в скором времени я не вернусь сюда, как бы не сложилась моя судьба.

Каменистая дорога, на которой телега то и дело ныряла колесами в ухабы пошла вверх, и совсем скоро перед нами черной громадой выросли Хессетские скалы. Огромные, непроницаемые, столько лет бывшие лишь дополнением горизонта, а теперь ставшие близкими и особенно неприветливыми. Здесь, наверху гулял ветер, и было довольно холодно.

– Это самые высокие горы острова Ласса, Западное нагорье не идет с ними ни в какое сравнение. Сейчас мы начнем спускаться, и приедем в большую долину, где стоит Дром. Этот город м-м-м... в нем живут лучшие мастера огранки драгоценных камней иковки редких пород металла. Но, скажу тебе, в этом городе нормальных людей нет, поскольку жить здесь человек, у которого с головой все в порядке, ни за что не станет.

– Почему?

– Ну... протянул Нерэг. В общем, это все знают. В Дро-

ме находятся всевозможные шахты, которые идут в глубину Хессетских гор. Говорят, что там обитают всяческие чудовища, и не один нормальный человек в этих рудниках работать не станет. Поэтому там вкалывают преступники. Их туда ссылают со всего острова, и там постоянно не спокойно. Периодически там обязательно бывает восстание горняков, и мрет куча народа. Плохое это место, хотя богатое и красивое. Там добывают драгоценные камни и металлы, а на склонах гор растет дерево Шу. Напиток из его семян очень ценится, и продается по всему миру, а само дерево больше нигде не растет. В шахтах Дрома столько всего можно найти, что некоторые авантюристы считают своим долгом их обокрасть, но заключенные непременно убьют любого, кто туда проникнет, потому что это грозит им невыполнением плана добычи и плохой едой.

– Откуда ты это знаешь?

– У меня дядя там работал. Но он не сильно провинился, всего-навсего мухлевал, торгуя, и его отпустили через год.

– Дядя у тебя тоже торговец?

– Да, это семейное. Торгуя, мы с отцом объехали почти всю Артанию. Ну, точнее половину – мы ездили по хвойным лесам полуострова Дегтамер, и торговали в деревнях, а в Драгорию не поплыли из-за войны.

– Войны? – Любое знание, которое я мог получить, я с жадностью впитывал, и мне было все равно, из какого источника оно получено. Сидя в рыбацкой деревушке, куда но-

вости, в лучшем случае доходят от проезжающих торговцев, многого не узнаешь.

– Что значит какой? Дракону угнетают драгорийцев, те бунтуют, драконы их побеждают и так все время. Война, в принципе, там идет все время,

Мы приехали в Дром, когда уже стемнело, хотя выезжали рано утром. Этот город лежал в красивой долине меж двух гор, и был сокрыт от глаз проезжающих. Жилая часть растянулась вдоль западного горного хребта, словно отдыхающий зверь. Как сказал Нерег, это потому что выше по склону были ручьи и гейзеры, а с восточной стороны нет, из-за этого город словно прислонился к одной из гор, и все дальше взбирался по склону, вместо того чтобы растекаться по долине.

Я потратил целую ночь, что бы погулять по каменному городу, где было столько памятников, столько вкраплений драгоценных камней в стены, каменных лестниц, и столько фонтанов, что, наверное, на всем острове не сыщется. Дром был потрясающе красив в ночном блеске звезд. Башни, аккуратные, тоненькие, черными полосками выделялись на фоне темно-синего неба, улицы, идеально выметенные, таили в себе множество шагов великих людей, которые здесь гуляли, наслаждаясь горным воздухом, легкий свет в красноватых окнах – все это придавало городу невообразимую жизнь. Но, несмотря на тишину, улицы не были пусты. Какие-то рабочие перетаскивали мешки, на углах некоторых зданий стояли женщины странного вида, не вызывающие никаких

чувств, кроме отвращения, по серым камням сновали крысы. Дром потрясал своими противоречиями, и я понял, почему здесь далеко не все хотят жить — здесь была лишь видимость благополучия, а все, что было совсем не к лицу городу, загораживали драгоценными вкраплениями и богатой жизнью.

Так я расстался с Нередом и его отцом, и, найдя утром бродячий цирк, отправился вместе с ними дальше, в столицу. Они даже сначала не хотели брать с меня денег, но мне было неудобно, и я все же заплатил.

Мне вновь повезло, теперь моим проводником по незнакомому миру был старик-жонглер, рассказывающий мне про все, что знал, особенно про те места, где мы проезжали. За два дня витиеватых и узких горных дорог я услышал не одну легенду. О поющих душах погибших в этих неприятных землях людей, о разрушенной крепости, которую никто так и не смог взять штурмом, о волшебных растениях, которые за день разрушали прочнейший камень. В ответ на рассказы я забрасывал своего собеседника вопросами.

— Скажите, а почему Дром стоит не на берегу моря, а рядом с горами, и почему здесь не налажена морская торговля, хотя до моря меньше дня пути? — задал я мучивший меня вопрос. — Зачем вообще ехать по опасным дорогам гор, можно было их обогнуть, и доехать до Кальгона по прямой?

— Много вопросов сразу, юноша. Но я отвечу тебе. Шепчущий залив, что находится на юге острова Ласса, безуслов-

но, прекрасное место для судов, он достаточно глубокий, и построить вдоль него несколько больших портов было бы очень выгодным предприятием. Но пляж этого залива проклят, и на его песке не остается следов – каждый, кто ступит на него, непременно будет затянут под землю, и умрет. Этот пляж продолжается от мыса Черон, покрытого сосновым лесом, до мыса Герехорн, а дальше начинаются неприглядные серые скалы с редкой и едва живой растительностью. Это скалы морских слез, а сразу к северу от них место, куда никто не любит ездить, если есть возможность его обогнуть. Это Черная Пустошь. Вопреки рассказам и байкам эти места не так уж опасны, и непременно придется проехать через них, если уж решился на путешествие до юго-западной оконечности острова, не платя пошлины за проезд через столицу. В Черной Пустоши не раз пытались обосноваться, но никому это не удалось, больно неплодородны эти земли.

– А как едем мы, если уж не решились проехать по безжизненной земле?

– Посмотри, – продолжил старик, указывая вперед на зеленые просторы, – это священное место. Здесь произошло рождение первого из династии Виирен, поэтому поля так и называются. Династия Кальгон правит всего пару сотен лет, а до них правили Виирены, а до Вииренов – Морлгои, а до них еще кто-то, не помню кто. Недавно король пожаловал недалеко отсюда большие земли своему первому дорину, некоему Санверу. Но святыня настолько огромна, что и его

владения теряются в ней.

— А в чем святость этого места? Я всегда считал святым лишь Основателя и его посланников.

— Святость в том, что на месте рождения будущего короля воздвигли монастырь, который и по сей день принимает послушников в свои ряды, даря надежду тем, кто ее лишился.

Сколько не смотри по всем сторонам, найти что-то за высокой травой не представлялось возможным. Лишь множество блеклых полевых цветов да надоедливых мух. По лабиринту гонимых дорог мы ехали день, ночь и еще полдня не прерываясь, и все это время я беседовал со стариком. Он знал много сказок и страшилок, и с удовольствием их рассказывал. По дороге мы и в самом деле проехали усадьбу Санвер, о чем гордо гласил дорожный указатель. К концу второго дня мы сделали стоянку у кромки королевского леса. Этот лес был ухожен, деревья в нем стояли редко, они были огромны, и их кроны гигантскими массами колыхали потоки ветра. Въезд сюда был запрещен, поскольку в нем охотились принцы и самая влиятельная аристократия. Тех, кого там поймают без соответствующего разрешения, ожидал немалый штраф, не уплатив который, вполне можно было попасть в тюрьму. А про тех, кого поймать не удастся, наверняка никто никогда и не узнает. Моя лицензия не позволяла мне проходить здесь, а испытывать судьбу, а уж тем более садиться в тюрьму из-за такой глупости, мне не очень хотелось.

На утро мы отправились по окружной дороге по кромке леса, и из-за этого нам пришлось ехать на юг. Мы без приключений двигались еще один день, и к вечеру следующего дня оказались в предместьях Кальгона. Здесь я, поблагодарив за помощь, покинул бродячих артистов и отправился в город, поскольку, ждать до завтра совсем не хотелось. Вещей у меня с собой было не много, а до главных ворот города было рукой подать. Светило едва-едва скрылось за горизонтом, когда я, пройдя мимо нескольких больших деревень и нескольких поместий, пройдя два гигантских моста через реку Кая, оказался у главных ворот Кальгона, который расположился в излучине реки, и был почти со всех сторон окружен водой.

Я подошел к сторожевому пункту и показал свою грамоту. Заспанный охранник, недовольно ворча, отпер маленькую дверь в воротах, и я вошел в столицу самого большого острова на свете, и мое детство на этом закончилось.

Глава 2. Кальгон

Месяц звезд не зря носит свое имя, темно синее небо было сплошь усеяно светящимися точками. Одни были крупнее, другие меньше, они образовывали созвездия, сплетались в слова, рисовали на небе картины.

Я вошел в Кальгон и оказался на площади, в центре которой был огромный столб, а на нём статуя Толона. Не смотря на темное время суток и тусклый холодный свет, я с легкостью узнал это изображение – во всех религиозных книгах Толон изображался точно также – в невероятных по величине доспехах и высоко поднятой головой. В руках он держал щит и меч. Эта статуя настолько заворожила меня, что я несколько минут стоял, не отрывая от нее глаз. На улице никого не было, и я мог спокойно обойти ее со всех сторон, и даже прочитать надпись, выгравированную на золотой табличке. Оказалось, что эту статую воздвигли сюда после восхождения на трон династии Кальгон, то есть около двухсот лет назад. Тогда в битве при бухте Хелейо, когда был убит последний из Вииренов, так и не оставивший наследников, войско повел его первый дорин Кальгон. После сокрушительной победы над объединенным войском Артании и Инголдии, которые высадили свой флот на берегах Ласса, народ хотел видеть на троне только Альметера Кальгона.

Все это было написано на табличке, и таким образом я по-

черпнул новые знания в истории, в которой, надо признать, был слаб. Мне вдруг стало страшно интересно – как развивались войны еще в первую эпоху. А где почерпнуть эти знания я не знал, поскольку денег на книги у меня не было. А еще нужно было поступить в школу, что бы оправдать надежды отца, которого я очень не хотел огорчать провалом. Мысли об экзаменах не занимали меня, и, гуляя, я лишь иногда вспоминал о том или ином испытании, которое мне придется пройти.

Я прошел по площади дальше, мимо высоких чудных домов, крепко сложенных из желтого камня, и решил идти куда придется, поскольку возможности спросить, где находится эта самая школа ни у кого не было – никого просто не было на улицах. Это меня удивило. До этого я был только в одном большом городе – Дроме, но там на улицах все время ошивались какие-то женщины, пьяницы, а здесь даже собаки попрятались по углам, все было чисто и спокойно, только стража стояла повсюду, но к ним я подходить не решался – в темноте забрала их шлемов выглядели устрашающе. Меня поразила их выправка. Было не похоже, что они хотят спать...

Я дошел до небольшого и уютного постоялого двора, также как и остальные здания города сложенного из желтого камня, и снял номер на одну ночь. В лицензии было написано, что экзамены принимаются целый месяц Звезд, то есть в течение восемнадцати дней. Я приехал в Кальгон вечером

восемнадцатого числа месяца Светила, и в следующий день уже мог идти поступать. Волнения? Конечно, некоторые сомнения охватывали меня, и я, как человек впечатлительный, долго не мог погрузиться в сон. Пospав совсем недолго, я решил встать, хоть и жутко не выспался. Денег у меня осталось совсем мало, и мне хватило бы от силы снимать подобный номер еще дней пять, но ни как не восемнадцать. А еще нужно хоть что-то есть...

Когда я вышел из гостиницы я просто не поверил своим глазам. Город словно ожил, и все узкие улочки были полны людей.

Прямо около с гостиницей сидел нищий, который горячо утверждал, что он потерявший ноги офицер. Мимо меня пробегал мальчишка, явно с каким-то поручением, может от отца, может еще от кого. Он так торопился, что чуть не врезался в меня. А на другой стороне улицы, до которой было два шага, не торопясь, шли две прелестные особы в пышных платьях. В нашей деревне при таком объеме и длине юбок, им бы не хватило времени на стирку. Два сердитых усатых стражника о чем-то горячо спорили, и даже не пытались следить за порядком, и я бы на их месте тоже не пытался бы, поскольку это было совершенно невозможно. Тут же недалеко торговка во весь голос расхваливала свои пирожки, но запах от них был столь омерзителен, что страшно было и представить, что горе-повариха положила вместо сладкой начинки.

Я посмотрел наверх, а там жизнь текла не медленнее, чем на нижнем ярусе города. Практически у всех домов второй этаж был гораздо меньше первого, и из-за этого образовывались огромные плоские площадки крыш, на которых тоже кипела жизнь. Многие крыши были соединены между собой специальными мостиками, по которым спокойно можно было добраться из одного конца города в другой, ни разу не спустившись на землю. Но и на этом диковинная архитектура города не остановилась, поскольку у большинства домов были и третьи этажи, а они тоже соединялись всяческими переходами, и по ним тоже вполне можно было передвигаться, не опасаясь, что ненадежный мост под тобой провалится – здесь все было из камня, и сделано добротно и качественно. Неторопливо гуляя по городу я вновь вышел на ту площадь, что открывалась вошедшему. Днем столб мне показался еще больше, нежели ночью, он превосходил по размерам любое здание, а статуя Толона на нем была ослепительно белой. Это выглядело настолько величественно, что я и во второй раз открыл рот от изумления. Но люди, которые здесь жили, не обращали на этот столб никакого внимания. Они привыкли к этому городу и такому образу жизни, и им, в общем-то, было все равно, что есть этот памятник, что его здесь нет.

Меня так заворожил Кальгон, что я не решился сразу искать академию, а просто стал бродить по городу. Меня, приехавшего из глуши, и впервые видевшего большой город

во всем его дневном величии, удивляло и потрясало все. Наряды пышные, несуразные, смешные, со странными шнурами, одутловатостями, придававшими телам носивших их скорее нелепость, нежели важность, с которой они ходили по городу. Попрошайки, которые, похоже, знали цену своей работе, готовы были драться за место на площади. Стражи, сколь бдительные ночью, столь же и бесполезные сейчас, когда на улице было много народу. Удивляло, что здесь множество не только лассонесцев, но на улицах было нетрудно найти черноволосых инголдийцев, наверняка державших здесь лавки с лучшими пряностями, смуглых и светлоглазых драгорийцев, а изредка даже попадались и серокожие жители Артании. Обитателей Ширианского Архипелага я никогда не видел, и здесь они так же не встречались.

Меня поразили местный храм. В нашей деревне вся жизнь крутилась вокруг церкви. Здесь же, вместо того, чтобы строить восемь церквей и запретить поклонение Шотеру, то есть сделать все как полагается, все было наоборот. Одно большое здание было разделено на девять частей, и никто не думал запрещать поклонение темному божеству. И, ко всему прочему, собор стоял на самой окраине города.

Вообще храм не был древним, как и весь Кальгон, поскольку этому городу всего-навсего двести лет. Поэтому в отличие от Дрома, и нашей маленькой деревни, Храмовая площадь изначально была задумана так, чтобы храм мог служить многим божествам. Главное, и самое большое зда-

ние храма стояло спиной к городской стене, и в основании представляло из себя полукруг. У храма было девять входов и один общий зал. Где проводились большие литургии. Дорога к каждому из залов была выложена определенным цветным камнем, а на дверях была написана та часть священного писания, что относилась к божеству этого зала. Слева был западный корпус, где располагалась библиотека храма. Как я сразу выяснил, ей могли пользоваться только священники, или люди, посвятившие себя паломничеству к святыням божеств, похожих на ту, что была рядом с нашей деревней. Все остальные должны были заплатить немалые деньги, за то, что бы читать книги, принадлежавшие храму.

Справа располагались все хозяйственные помещения храма. Внимательно всё осмотрев, я решил зайти помолиться Толону и Свенне. Другие основатели еще не стали для меня столь же значимыми, как эти двое.

Продолжить осмотр достопримечательностей я решил, направившись в центр города, где располагался королевский дворец. Он находился за двумя рядами мощных стен, и рассмотреть его было очень сложно, но выступающая часть напоминала остальную архитектуру города. Разве что несколько инородными казались остроконечные башни, и то, что замок был не желтовато-серым, как весь город, а бел как снег.

Я еще побродил по прекрасным чистым улицам, зашел в несколько магазинов, где ничего толком не мог купить, но так и не нашел королевской гвардейской школы. Тогда

я не выдержал и все же обратился к первому попавшемуся на глаза прохожему с целью выяснить, куда мне нужно идти. Первым прохожим оказалась девушка, на вид обыкновенная, в достаточно простом свободном платье.

– О, вы собираетесь поступать? – не без интереса спросила она.

– Да, – скромно ответил я.

– Вы, безусловно, выиграли королевский турнир на своей окончности острова.

– Нет, я не смог выиграть. Я занял только... А с чего вы решили, будто я вообще что-то выигрывал?

– Вы одеты незатейливо, по-деревенски, не похожи на аристократа. У вас простое лицо, и вы явно первый раз в городе, раз не знаете, где находится Королевская гвардейская школа. Поэтому я и решила, что вы издалека, а лицензию, которую сжимаете в руке, можно получить только одним способом, – при этих словах она игриво улыбнулась. – То что вы ищите находится за стеной королевского дворца. Просто покажите стражникам у ворот эту бумажку, и они будут должны тебя пропустить. Дальше я не могу вам помочь.

– Спасибо за помощь, вы... – я замешкался, взглядевшись в ее лицо. Я не сразу отметил эту красоту – темные волосы, едва смуглая кожа, словно после летнего загара, голубые глаза, тонкие, черные брови, эмоционально поднимающиеся вверх-вниз с каждым ее словом – очень мне помогли, – наконец выдохнул я.

– Обращайтесь, – сказала она и хотела уйти, но я остановил ее.

– А к кому обращаться?

Она серьезно взглянула на меня, и нахмурила тонкие черные брови.

– Если что меня зовут Арна.

– А меня Гол, – неуклюже слетело с моих губ, когда она уже повернулась и вприпрыжку убегала по узкой улице. Вскоре воздушная девушка, словно видение, явившееся мне, скрылась за проходящими мимо людьми, и я с разочарованием подумал о том, что не скоро увижу ее вновь.

Когда я подошел к охранникам у ворот, они долго изучали мою лицензию, но не захотели меня пропускать. Я выглядел совершенно измотанным, вся моя одежда была в пыли после дороги, а помимо внешнего вида, наверняка надоел этим стражам тем, что торчал тут рассматривая замок.

– Ты грязный оборванец, и я не могу быть уверен, что ты не украл эту лицензию у кого-нибудь более достойного.

В моей душе начала подниматься ярость. Мне показалось это настолько несправедливым, что я не нашелся, что ему ответить. Но мимо меня прошли Эрес и Хауг Хармотен, и тепло поприветствовали меня и словом, и жестом. Я увязался за ними, и уязвленный сторож ворот не решился при них ничего мне высказывать. Мне оставалось лишь удивляться, как за прошедшие два года они не забыли мое лицо.

Однако, пятый дорин короля, похлопав по плечу своего

сына, отправился в замок, ведь у него наверняка были дела, и мы отправились в академию вдвоем. Стоило старшему Хармотену отойти, как Эрес толкнул меня в плечо и скороговоркой выфпалил дюжину вопросов, которые я даже разоб-
брать не сумел не то что ответить на них.

– Ты не сильно разговорчив, – сказал он и его голубые глаза смеялись, – и это хорошо. Здесь не любят разговорчивых, таких как я.

– Просто устал от долгой дороги.

– Ничего, я думаю, ты успеешь отдохнуть. Знаешь, у нас есть возможность поступить не только в гвардию, но и в кавалерию, в каких войсках ты себя видишь?

– Я не умею толком верхом ездить, поэтому представляю себя только пешим. Ты так говоришь, что поступление кажется вопросом уже решенным, а экзамены вряд-ли окажутся простыми.

– Не волнуйся. Эти испытания условны. Королю в гвардии нужны сильные воины, а не ученые мужи. Вопросы по истории ограничатся самыми важными сражениями, а военная тактика это не сложно. На самом деле королевская гвардия – самые безопасные войска. Мы почти все время будем находиться при короле, и являться его личным полком. И еще лучшие из нас – при этих словах он многозначительно посмотрел на меня, – будут руководить армией. В этой школе нас должны будут всему научить всего за три года.

– Ты далеко заглядываешь. Нужно еще поступить, – отве-

тил я, уверенный в том, что все будет не так радужно, как расписывает Эрес.

– Не волнуйся. Ты занял третье место в турнире, объединяющим две большие деревни, а так же пригороды Аброта.

– А почему оттуда люди ехали соревноваться к нам, путь-то неблизкий.

– Потому что Аброт огромный и очень богатый город, и в нем хватает людей и на свой внутренний турнир. В общем, кому-кому, а тебе волноваться не о чем. Проблемы с поступлением будут у тех, кто не сумел получить королевской лицензии.

Я не был в этом так уверен, но все же не стал возражать – Эрес наверняка лучше это знал, ведь его брат уже учился здесь.

– Слушай, Гол, мне не дает покоя одно обстоятельство.

– Какое?

– Во время нашего сражения ты посмотрел мне в глаза, и я потерял сознание. Что это было?

– Не знаю. Просто ты, наверное, очень устал, и твое тело не выдержало напряжения, – соврал я. Уже тогда я прекрасно понимал, что во время той схватки я пользовался магией.

Эрес хмуро посмотрел на меня. Эта гримаса ему совершенно не шла – у него были светлые волосы, бровей почти не было видно, и голубые глаза казались такими наивными, что когда он хмурился, он был похож на обиженного ребенка.

А по телосложению мы были похожи – оба были не очень высоки, худы и жилисты, и у нас обоих были чуть более длинные руки, чем обычно. В фехтовании такое телосложение давало преимущество над противником.

Эрес знал, где находится здание школы, и уверенно шел по аккуратно выложенным каменным дорожкам. Мы прошли мимо замка, который вблизи казался еще больше нежели издалека, вошли в парк. Люди, изредка встречавшиеся нам на этом коротком пути, в основном гвардейцы на службе, направляли изумленные взгляды на мое бедное одеяние, но я, следуя совету Эреса, в знак приветствия поднимал левую руку. Многие приветствовали моего знакомого, и старались не обращать внимания на меня. Это нисколько не задевало меня. «Они еще будут уважать меня» – пронеслось у меня в голове.

Вскоре мы дошли до большого здания. Оно было построено из темного серого камня, и в нем было три этажа. На уровне второго из них был большой треугольный козырек, подпираемый с каждой стороны тремя колоннами. Мы поднялись по трем внушительным каменным ступеням и оказались перед большими деревянными дверями, выкрашенными в белый цвет. На дверях висели огромные железные кольца. Эрес уверенно постучал, и незамедлительно дверь открыл человек в начищенных до блеска доспехах с королевской символикой.

– Поступающие?

– Так точно, – сказал Эрес, и прислонил левую руку к правому плечу.

Я последовал его примеру. Человек широко улыбнулся, и спросил, есть ли у нас лицензии. Мы оба продемонстрировали золоченые листы с печатью короля.

– В таком случае, вы первые поступающие в этом году. Проходите. Нужно решить вопрос с вашим поселением. Надо полагать вы друзья, и хотите поселиться в одной комнате?

Эрес ответил раньше, чем я успел обдумать вопрос.

– Да. Если Вам не сложно, поселите нас в восточном крыле.

– Конечно, – и улыбчивый человек что-то пометил в своем журнале.

Я последовал за своим проводником в этот новый для меня мир по деревянной лестнице, расположенной по левую руку от входа. Каждый второй пролет выходил на новый этаж, и вскоре мы вышли в длинный коридор, тянущийся, судя по всему на всю длину здания. Но оказалось, что это не совсем так. Здание нашей школы представляло из себя огромный квадрат, внутри которого был двор, где проводились уроки по верховой езде, и другие занятия, требующие простора и свежего воздуха. Соответственно вскоре коридор повернул, и мы оказались в очень похожем помещении. Как и в предыдущем проходе, по бокам здесь были двери для комнат.

Как оказалось, окна были только в тех комнатах, что были

с внутренней стороны квадрата, и с улицы наша школа смотрелась как темное беззаконное здание. Теперь я здесь буду жить как минимум ближайший месяц.

Первым экзаменом была военная история, и в первый раз ее принимали третьего числа месяца Звезд, а после этого восьмого. Но попытка была всего одна, а время ее использования – любое. За два с половиной дня я изучил книгу об основных сражениях первой эпохи, причем оказалось, что о многих из них я знал из книжки о тактике, где большинство этих битв приводилось в пример. Правда, во многих случаях важным фактором являлись личные подвиги и воля к победе, и все тактические расстановки являлись лишь дополнением к человеческому мужеству.

В общем, сдать этот экзамен, как и предсказывал Эрес, не представляло ни какого труда, и следующим на очереди были испытания на силу и выносливость. Мы таскали ведра с водой из одного конца двора в другой, и должны были набрать огромный чан. Я не раз занимался чем-то подобным и у себя в деревне, помогая матери по дому, поэтому и этот экзамен для меня прошел успешно. Это было шестое число месяца, и сразу после экзамена мы с Эресом решили узнать, какие еще комнаты заселены, и кто как обосновался. Оказалось, что лишь в комнату рядом с нами поселился мальчик по имени Нейдер, выигравший свой турнир, только он жил не на острове Ласса, а на материке Сааш, в местности, что называлась Аритрианией и граничила с инголдийскими зем-

лями. Он приплыл сюда на огромном торговом судне, и ехал, как и я, через весь остров, мимо Дрома и полей Виирен. Но только, не через мою деревню, а через Аброт, по реке Теньлуа.

Кроме меня, Эреса и Нейдера приехало еще семь человек, все они были сыновьями аристократов. Всего же было пятнадцать комнат, из них двенадцать жилых, на четыре человека каждая, и располагались они корпусами, по разным сторонам света, на которые были ориентированы стены. В каждом из отделений было по четыре комнаты, то есть по двенадцать человек в корпусе, а во всех остальных комнатах жили люди со второго и третьего курса. Правда, там редко в комнатах было по четыре человека, очень многих отсюда исключали за неуспеваемость.

Пожалуй, стоит описать и сами жилые помещения – это были простые комнатухи с голыми стенами и холодным полом, в каждой стояло по две двухэтажные кровати, каких я до этого не видел. У нижних мест были прикроватные тумбочки, а рядом с верхними прикручены специальные полки. Так же тут стояло два больших стола, были крючки, что бы вешать одежду. Этим убранство комнаты ограничивалось. Так же на каждый корпус был один туалет и душ, в который мы должны были сами каждое утро носить воду. Мыться, по уставу школы нужно каждый день.

Последним, экзаменом был предмет «основы военной тактики», где мы должны были передвигать деревянные фи-

гурки солдатиков, правильно расставляя их на большом зеленом поле. Экзамен оказался на редкость простым – по специально разработанным правилам мы должны были одолеть экзаменатора, который располагал гораздо меньшим войском, чем поступающий. Я с легкостью смог окружить неприятеля и взять его флаг. Эти флажки было разрешено забрать себе на память, и я всегда носил свой приколотым к нагрудному карману формы. Сразу после удачно проведенных боев мы с Эресом и Нейдером решили последний раз свободно погулять по территории дворцового парка, и рассказывать друг другу всякие веселые истории. В школе была очень строгая дисциплина, и едва ли нам удалось там так повеселиться.

Слушая их рассказы и звонкий смех, я не раз вставал на цыпочки, старая усмотреть все детали замка, спрятанного за еще одной высоченной стеной, защищенный рвом и мощными пушками. Нет, разглядеть замок было невозможно, оставалось лишь смотреть во все глаза на угловые башни стен, да на верхние ярусы дворца. И, конечно, по обычаю, здесь так же были резные деревянные ворота. На них было изображено писание девяти – на верху, где огромные створки сужались, был изображен Толон Воитель, и некоторые из его деяний, дальше Миста, Ихару, Волрон, Нитог, Свенна, Агаш, а чуть ниже, на самых маленьких из делений Гордрог и Шотер. Первый – символ мужества и невероятной силы воли, и второй его противоположность, покровитель смер-

ти и страха. У первых семи основателей лица были изображены довольно просто, все они были похожи между собой, а у последних двух нет. Эти двое были рождены в Неллионе, и не могли сравниться с Великими, но зато их лица остались в памяти человечества, и здесь они были крайне реалистичны, можно было представить их перед собой, и не узнать в них великих людей. Именно это больше всего привлекало в них, заставляло идти за ними, жаждать их расположения, восхищаться их поступками. Именно поэтому даже у Шотера было огромное количество последователей. Я долго вглядывался в смеющееся лицо темного основателя, колдуна, что принес в мир больше зла, чем кто либо другой.

– Хватит, еще насмотришься, – толкнул меня в бок Эрес, – лучше пойдем в город, ведь потом нас не будут выпускать из школы. Вы когда-нибудь пили штар?

Я слышал об этом напитке, но у нас в деревне его не варили, а продавцы заламывали такие невозможные цены за него, что мы не могли позволить себе такой роскоши. Да и потом простые обыватели относятся к Штару с предубеждениями, ведь он обладает чарами, а кто позволит вмешиваться колдовству в свою жизнь?

– Всегда мечтал попробовать, но сам понимаешь, больно дорого, – ответил Нейдер, а я лишь отрицательно покачал головой.

– Тогда я предлагаю сходить в «Проклятие хессета». Там очень неплохой штар, а так же можно просто выпить пива,

или чего покрепче, — он лукаво посмотрел на нас.

— Прости Эрес, — тихо сказал я, — у меня осталось совсем мало денег.

— Не волнуйтесь. У меня их вполне хватит. Я думаю, что нужно отметить наше поступление, а то бесцельное хождение меня угнетает, — его верхняя губа капризно дернулась при этих словах.

Нам с Нейдером не пришлось долго думать, чтобы дать утвердительный ответ на это предложение.

В трактире было душно, мест за столами почти не было. В основном здесь сидели обыкновенные горожане, и отдыхали после тяжелого дня, обмениваясь новостями. Поэтому в зале стоял невыносимый гам, да еще, ко всему прочему, надрывались два менестреля с лютнями. Некоторые курили длинные трубки, от которых шел легкий дымок, и выпускали изо рта красивые колечки. Эрес, видимо, здесь уже бывал не раз, трактирщик знал его.

— Три штара, только как можно горячее, — почти прокричал мой друг, и положил на стол три большие золотые монеты. Таких денег я даже в руках не держал никогда. У меня была какая-то медная мелочь, но здесь я не мог на нее ничего купить.

Трактирщик был не разговорчив, и просто поставил на стол три кружки, от которых поднимался густой пар.

Мы быстро нашли самый дальний угол, и устроились туда. Там было темно и тихо, что, несомненно, было приятным

обстоятельством в шумной таверне.

Я никогда, никогда не забуду момент, когда в первый раз в жизни попробовал Штар. Это был густой горячий напиток, который, словно металл затекал в горло и обжигал все внутренности. Меня словно бросило за грань, а затем столь же стремительно обратно, я безвольно поставил локти на стол, и положил на ладони падающую голову. Еще мгновение, и это превратилось в невероятное, неземное наслаждение. Легкий соленый привкус во рту, туман в глазах, и слова, без моего желания, слетевшие с языка.

– Эрес, обещай, что никогда не убьешь меня.

– Гол, ты в порядке?

– Обещай!

– Конечно, я никогда не сделаю подобной глупости, – растерянно произнес он.

– Обещай!

– Обещаю, клянусь, только успокойся!

Я упал на стол и закрыл лицо руками. Слова друзей казались далекими, а их силуэты призрачными, мне было легко и приятно чувствовать каждую колдовскую соринку, всю магическую пыль, что витала в воздухе.

– Мне говорили, что иногда подобное бывает, – услышал я Эреса, – тебе нужно охладиться, иначе совсем башню снесет!

Мы взяли холодного пива, которое после Штара казалось пресным и не вызывало никаких эмоций. Мне даже показалось, что совершеннее напитка, чем штар не существует,

будто никогда не пробовал ничего вкуснее. Все казалось таким простым и посредственным, что ничего не хотелось.

– Кстати, штар нельзя пить ни офицерам, ни солдатам. По крайней мере, на службе. Мой старший брат, когда король отпустил его домой на месяц, пил этот напиток целыми днями, – Эрес говорил несколько раскованно, словно уже немного опьянел.

– А твой отец знает, что ты любишь выпить? – неожиданно спросил Нейдер.

– Полгода назад он разрешил присутствовать на важных приемах, а значит, и употреблять напитки, которые подают гостям. Так что обвинить меня в этом он не может.

Мы сидели еще некоторое время, но вскоре нам это наскучило. Голова была уже тяжелая, и мы направились в школу, спать. Охранник у ворот хмыкнул, увидев, как мы плетемся, при этом отпуская веселые, и не слишком приличные шутки в адрес друг друга. Мы дошли до школы еще засветло, и, поднявшись на третий этаж, завалились спать. Нейдер еще после первого же экзамена перебрался в комнату к нам с Эресом, а теперь у нас жил еще один парень, которому еще осталось сдать тактику и стратегию. Его знали Рагол Санвер, он был угрюм и не разговорчив. Первые два дня мы шутили, что приказы солдатам он будет отдавать жестами. Но потом прекратили, поскольку на него это совершенно не действовало, а человеком он был добрым, и его несколько смущало то, что он намного богаче нас всех вместе взятых, ведь его

отец был первым дорином короля, а значит – вторым лицом на острове и главным советником. Помимо всего прочего Рагол был наследником своего отца, и поступил сюда по собственному желанию, и был старше всех нас на несколько лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.